

Пусти корни, семя, и прорасти...

Эмилианна Элрой вздохнула, когда поняла, что снова не читает, а просто ведёт глазами по тексту. Недостаток сна, похоже, начал заявлять о себе, и дело точно было не в том, что она избрала на этот вечер совершенно непонятное чтиво.

«Множество Тайн Мутации», рукопись Агама Элрой.

Технически, она прочитала эту «штуку» от корки до корки уже дважды, но даже сейчас не была уверена, что поняла хоть что-то. Тема и так была чертовски сложной, но архаичная проза только добавляла проблем. Ну а поэтические части оставляли желать лучшего.

И всё же она предпочитала их, потому что нормальный текст был настолько неразборчивым, что приходилось довольствоваться поэзией. В ней, по крайней мере, она хоть иногда думала, что понимает, о чём идёт речь.

Удержи свои желания, сдержи обещания.

Разум, лабиринт заключённый в себе, арбитр бессознательного.

Внутри исполнение заключи.

Желания сдержи, обещание нарушь.

Разум, бога саботаж, праведности ужас.

Внутри жалкие мысли обнаружишь.

Бесцельное сердце, неосмысленные обещания.

Разум, непрерывный токарь, фактор мотивации.

А внутри – мир гнили.

Она смотрела на эти строки весь последний час и чувствовала себя тупее с каждой проходящей минутой. Она могла поклясться, что когда читала это в первый раз, то

почувствовала что-то, но чем больше пыталась углубить понимание, тем слабее становилось чувство.

Эмили положила книгу и потёрла глаза. Может ей нужен перерыв? Она последнее время только и делает, что читает. Учитывая обстоятельства, это самый полезный способ провести время.

Она не забыла предупреждение Гермала о том, что Библиотека Эрудиции имеет природу «медовой ловушки», но следуя словам Говиса, пока она будет соблюдать правила, с ней всё будет в порядке. А она очень осторожная девушка.

Но были и другие занятия, помимо чтения дни напролёт. На первом этаже была впечатляющая кухня, на которой последователи Говиса преподавали ей уроки искусства кулинарии. Что, откровенно говоря, сильно её манило. Она не представляла каким образом кладовки удаётся держать полными еды, но мастерство кулинаров было неоспоримо. Буквально каждое блюдо в этом месте был наслаждением седьмого неба, просто мысли о приближении следующего приёма пищи пробуждали аппетит.

Но не только кулинарией можно было здесь заняться – ещё она нашла подземную тренировочную площадку, на которой люди оттачивали различные способы ведения боя. Она пока не спрашивала, разрешено ли ей хотя бы поучаствовать в этих тренировках, но однажды планировала это сделать.

А ещё была игровая комната на втором этаже, хотя она пока не видела, чтобы кто-нибудь её использовал. Она бы и не прочь сыграть в шахматы, карты, или даже в футбол, но не сама с собой. Может она просто пока не проходила мимо этой комнаты в нужное время, но надежда её не оставляла. С другой стороны, эти люди принадлежат половине Избавления на стороне Дозера, так что она была удивлена уже тому, что у них вообще есть игровая комната.

В целом, это было довольно странное пленение. До сих пор им с Чергоа было позволено свободно передвигаться по зданию, общаться со всеми, и делать, похоже, что душе будет угодно.

Только уходить нельзя, конечно же. Но шансов на это нарушение у них всё равно не было, учитывая Дэйнболг, вечно бушующий снаружи.

В основном она считала чтение полезным времяпрепровождением благодаря Осколку Сухого Бога – единственной связи с внешним миром. Насколько она успела понять, обычные способы общения здесь не работали. Что не слишком-то удивляло, если подумать. Вечный шторм окруживший Экзолту не удивлял наличием таких свойств.

Но от того осколок становился лишь ещё более удивительным и драгоценным.

Некоторое время она беспокоилась, что кто-то в Библиотеке может узнать осколок и

отобрать его у неё, но в то же время слишком усердно пытаться скрыть его тоже не было хорошей идеей. Если кто-то заметит, что она пытается что-то скрыть или ведёт себя странно, то важность осколка станет ясна не только ей. Возможно, разумнее себя вести так, словно ничего особенного в этом осколке нет.

По крайней мере, это посоветовала ей Чергоа. Ещё Эмилианна посоветовалась с Гектором и Гарвелем, которые высказали приблизительно такое же мнение. Видимо Осколки не слишком известны миру, но даже те, кому о них известно, не могут знать о «неслыханной никогда ранее» возможности использовать его в качестве чего-то вроде телефона.

Впрочем, она всё равно не могла прекратить беспокоиться. В основном ей было страшно, что Говис может его забрать, что он может просто как-то... знать. Частичка внутри неё спрашивала, можно ли вообще скрыть что-то от него. Он прошёл за ней через половину мира просто из-за какой-то «связи».

Но, с другой стороны, если бы он знал о способностях Осколка, то наверняка бы уже его забрал.

...Правда же?

Она потрясла головой. Куда-куда, а в эту заячью нору проваливаться не хотелось. Ей и так достаточно причин тревожиться, паранойя по причинам, которые ей совершенно неподвластны, точно будет лишней в этой каше.

Эмили не знала, стоит ли связываться с Гектором в ближайшее время. Большую часть времени он оставлял её в покое, наверное, потому что считал, что она не хочет, чтобы ей мешали – что, на самом деле, было не далеко от истины – но даже так, она была бы не против узнать, чем сейчас занимается её семья.

С другой стороны, она практически боялась спрашивать. Как там говорится? Отсутствие новостей – уже хорошая новость? Теперь она понимала мудрость этого выражения. И Гектор наверняка рассказал бы ей, случись что-то действительно важное.

Наверняка.

Он такой... странный парень. Временами он казался скромным и слабым, в другое время становился строгим и упрямым. Из всех людей, с которыми её могло «связать», почему ей достался именно он?

Впрочем, она бы не сказала, что с ним неприятно разговаривать. Наверное, ей просто нужно узнать его получше.

Да, она должна–

Чудовищная рука внезапно появилась на периферии её зрения и подняла книгу, которую она недавно положила рядом. Эми передёрнуло, когда она увидела рядом с собой Говиса.

Хотя сейчас ей было не настолько некомфортно находиться с Монстром Востока, как когда она только попала сюда, она не знала, возможно ли вообще привыкнуть к таким его появлениям. Ни шагов, ни дуновения ветра, ничего. Как такой гигант может передвигаться совершенно бесшумно?

— Снова её читаешь? — сказал он, протянув книгу обратно.

Она взяла её и ответила: — ...Мне трудно понять написанное.

— Мм, — прогудел Говис, тихим двойным голосом. Он отодвинул стул в сторону и сел на пол, но со своим ростом даже так был немного выше уровня глаз Эмили. — И тот факт, что книга написана твоим предком, никак тебя не заинтересовал.

Она взглянула на подпись автора, Агама Элрой, ещё раз. — Этого я не говорила.

— Что ты желаешь узнать из этой книги?

Этот вопрос оказался неожиданным: — Я не знаю...

Говис просто сидел и ждал, пока она продолжит.

— Что, эм... — Она чувствовала, что вопрос, пришедший ей на ум, может переходить грани дозволенного, но не могла выбросить его из головы: — Каким был Агам? Вы ведь его знали?

Монстр не спешил отвечать: — ...Он был уникален.

Теперь была её очередь ждать. Уж явно не на этом собирался Говис закончить с его описанием.

— Но он не тот, на кого тебе следует равняться, если ты на это надеялась, — закончил Говис.

По какой-то причине это её разозлило, поэтому она не успела остановить свой язык: — А как насчёт Вас?

И долгое время Монстр Востока просто смотрел на неё.

Эмилианна выдержала его взгляд, хотя и чувствовала, как сердце подпрыгнуло в глотку, а всё её тело словно бы окаменело. Она была слишком напугана даже для дрожи. Впрочем, в

мыслях она была уверена, что Говис не тронет её.

Почти уверена.

— Агам был скорее мистиком, чем учёным, — наконец сказал Говис. — Гениальным человеком, тут не поспоришь, но слово «суеверный» даже не начинало его описывать.

Эмили снова начала дышать. Затем её глаза опустились к книге.

— Может оно и к лучшему, что ты не понимаешь, — сказал Говис. — Его слова порождали семена нерациональных мыслей во впечатлительных головах.

Она попыталась продумать свои следующие слова немного тщательнее прошлых: — Какие между вами были отношения?

Говис позволил этому вопросу задержаться, прежде чем ответил: — Он был мне как отец.

— ...Это трудно представить, — ответила она.

— Тогда не представляй.

Эмили нахмурилась. — Он ведь не был членом Избавления, так?

— Не был.

— А Вы, в те времена?

— Тоже.

— Тогда...?

— Тогда что? — сказал Говис. — Задай вопрос нормально.

Она хотела, определённо хотела, но её останавливал страх. Этот вопрос стоял перед ней с того самого момента как она попала сюда, именно этот ответ она хотела знать больше всего, и чем больше узнавала Говиса, тем интереснее ей становилось. Наверное, это был самый важный вопрос, какой она может задать, но теперь, когда у неё появилась отличная возможность, она боялась ответа. Ей казалось, что ответ может поставить под вопрос весь мир, каким она знала его раньше. Как если бы один этот ответ мог изменить её взгляд на всю предыдущую жизнь.

Но...

Она всё равно хотела знать. И не смогла удержать себя: — Тогда... почему Вы теперь с Избавлением?

— Потому что Избавление, по крайней мере, знает главную проблему этой планеты, — ответил Говис.

— И эта проблема...?

— Человечество, конечно же.

Эмили не знала, как теперь можно продолжить разговор.

— У Избавления в достатке идей насчёт того, как можно разобраться с проблемой человечества, — сказал Говис. — Некоторые, должен сказать, безумны. Да. Но такие идеи всё равно притягивают своим подходом к проблеме, а не просто игнорируют её, как это делает Авангард. Как это делают все.

— Но в чём именно проблема человечества?

— Одним словом? Рост.

Теперь она была озадаченна ещё больше. Не этого слова она ожидала.

— Человечеству нужно развитие, — продолжил Говис. — Во всех отношениях. Биология, философия, технологии, психология. Человечеству нужно расти. Для этого требуется конфликт. А для конфликта? Для него требуется причина.

Эмилианна не понимала: — То есть... Вы правда хотите сказать, что Избавление помогает человечеству развиваться?

Говис помотал своей гигантской головой: — Нет. Избавление предотвращает стагнацию на некотором уровне, но смысл не в этом. Я говорю, что сам аспект ведущий человечество к развитию - и есть проблема.

— В каком смысле?

— Фундаментальная черта человеческой природы - это желать и, следовательно, добиваться, развития. Без этой черты человечество изживёт себя и сгинет в агонии. Но, как я и сказал, чтобы начать желать развития требуется конфликт, под которым может подразумеваться, в

том числе, физическое насилие. Или же это может быть полностью психологический процесс. Или нечто среднее. Но конфликт в любом случае требуется для начала развития. Это и есть проблема человеческой природы.

Она дотронулась до своего лба, всё ещё пытаясь понять, что он имеет в виду. — В таком случае... Вы хотите сказать... что Избавление пытается уничтожить нужду людей к развитию?

— Да. Именно.

— Но... как это превратилось в бездушное убийство невинных людей?

— А разве не понятно? Проще ведь и быть не может. Если опуститься до белого и чёрного, то существует всего две перспективы решения проблемы развития. Первая, это самый простой и прямой метод, как раз названный тобой. Геноцид. Не может быть никаких конфликтов, если не будет человечества.

Она едва могла поверить в услышанное: — Как Вы можете говорить об этом так просто? Это ужасно...

— Да, — сказал Говис. — Чтобы верить в такой метод нужно глубоко ненавидеть человечество. Или, наверное, само существование в целом. Люди вроде тебя, никогда не испытывавшие такую ненависть лично, не могут понять логичность геноцида. С таким же успехом я мог бы описывать веру в пришельцев. Думаю, эффект был бы таким же.

— То, как Вы говорите об этом, — сказала Эмили, с немалой надеждой, — звучит так, словно Вы сами не верите в этот метод.

— Потому что я в него не верю, — ответил Говис.

— Рада слышать.

— Я больше отношусь ко второму методу, — сказал Монстр.

— Который заключается в...?

— В изменении человеческой природы.

На её лице появилось сомнение, она наклонила голову: — И как Вы планируете сделать это?

— Я не говорил, что это будет просто, — сказал Монстр. — Но в Избавлении многие преследуют ту же цель, пусть и своими способами.

— Но какой способ Ваш?

— Хмф. — Он выпрямился, немного отдалившись от неё. — Попробуй угадать.

Угадать? Каким образом должна она угадать, как он собирается—

Её глаза открылись немного шире, когда догадка всё же пришла: — Мутация?

— Именно.

— Вы хотите использовать мутацию, чтобы изменить саму человеческую природу? — Каким-то образом, это одновременно было и очень логичной идеей, и совершенно нелогичной. Как если бы она верно соединила все точки и получила невозможную картину.

— В целом, да.

— Но... как?

Вместо ответа Говис просто смотрел на неё, опять. Он ожидал, пока она снова соединит точки? Или задаст более точный вопрос? Может он вообще больше не хочет разговаривать?

Она искала в своём мозгу что-нибудь, хоть какой-то вопрос или ответ. — Просто... я хочу сказать... что это невозможно.

— Почему нет? — сказал Говис даже спокойнее, чем обычно.

— Потому что... ну... — Это казалось таким очевидным, что было трудно даже вложить мысль в слова. — Потому что способность мутации влияет только на её владельца. А чтобы изменить человеческую природу, нужно изменить всех людей в мире. А все в мире не могут стать слугами-мутантами.

— Ты в этом уверена?

— Я... — Пауза страха нависла над ней, когда она задумалась над тем, что он может иметь в виду. — Я... почти уверена?

— Мм.

Она не могла решиться задать следующий вопрос, но в итоге подумала, что сейчас останавливаться уже нет смысла: — Вы правда имеете в виду... что возможно сделать всех такими как мы?

— Я ничего не имею в виду, — сказал Говис. — Просто спросил, насколько ты уверена.

Эмили уставилась на него, пытаясь понять хоть что-то из нечитаемого лица ящера.

Но Говис больше ничего не говорил. Даже спустя целую минуту тишины его, похоже, полностью устраивало, если разговор закончится на этом.

Она попыталась думать быстрее. Ей казалось, что у неё есть ещё миллион вопросов, но один особенно выделялся на фоне остальных: — ...Вас не волнует, что Ваши так называемые товарищи в Избавлении убивают столько невинных людей?

— Не сказал бы, — равнодушно ответил он.

— Но почему? Вы же сказали, что не верите в их метод.

— Да, — согласился Говис, — но просто потому что я в него не верю, не означает, что я не понимаю их перспективу. И, что важнее, это не означает, что они неправы.

Не это она хотела услышать: — Что?..

— Простой факт в том, что даже если я не согласен с ними, их метод полностью логичен. Если говорить совсем объективно, то они могут быть правы, а я ошибаться.

— Это... — Она вздохнула. — Нет. Они не могут быть правы. Как Вы вообще можете так думать?

— А как ты можешь думать иначе? — возразил он. — Просто потому что ты не хочешь, чтобы что-то было правдой, истины не меняет.

Она нахмурилась.

— На самом деле я не знаю, возможно ли изменить такой фундаментальный аспект человеческой природы, — продолжил Говис. — В истории человечества улик указывающих на такую возможность едва ли можно найти. Вполне может оказаться, что мои усилия бесплодны.

— Это не имеет никакого отношения к тому факту, что Вы считаете, будто убивать невинных людей нормально, — возразила Эмили.

— Подход не идеален, да, — сказал Говис. — Но если проблема в самой человеческой природе, то, пользуясь простой логикой, «невинных» нет. Все вносят свой вклад в упадок человечества, просто оставаясь живыми.

Она раздражённо вдохнула: — Но это так неправильно...

— Мм. Поэтому я и сказал, что только знающие ненависть к человечеству способны понять, не говоря даже о том, чтобы поверить. Попробуй сколько хочешь, но люди не полностью логические существа.

Угх...

Эмили хотела продолжить спор, но почувствовала, что сможет только повторять своё неодобрение и отвращение под различными предлогами, а это не помогало.

Тогда её взгляд снова упал на книгу Агама и у неё появилась другая мысль: — Разве нет третьего варианта разобраться с проблемой роста?

Говис просто смотрел на неё, снова он выглядел так, словно бы уже знал, что она скажет.

Эмили, впрочем, не позволила этому остановить её: — Поддерживать рост человечества. Это ведь тоже решение, разве нет?

— Ха, — усмехнулся Монстр несколько пренебрежительно. — Уверен, «мозгам» Авангарда понравилось бы это услышать. Или они могли бы даже начать спорить, что рост человечества вообще не проблема. Но думать надо мозгами, а не эмоциями; орудовать надо наукой, а не чувствами. Беспристрастный разум видит реальность такой, какая она есть, насколько бы ужасна она ни была.

Видимо это было их точкой преткновения, но Эмили боялась сказать так напрямую. Шансы переубедить его были такими же, как потушить море огня снежком, чувствовалось ей.

Но, по крайней мере, она начала понимать его немного лучше. Монстром Востока его точно не беспричинно называли. И насколько бы ни хотела она верить в слова Гермала, что Говис на самом деле усердно трудиться во спасение человечества... что ж, пока она этого в нём увидеть не могла.

Ей хотелось бросить вызов его убеждению, что для развития требуется конфликт, но не знала как подступить. Стоп, а он вообще говорил, что он против конфликта? Может быть, он намекал на это, но опять же, как член Избавления, он порождает конфликты постоянно, значит...?

Угх. Ей нужно было немного поспать, сейчас её голова перегружена. Если бы только здесь был кто-то ещё, кто поспорил бы с Говисом вместе с ней. Она больше не была сторонницей Авангарда, это точно, но ей бы хотелось услышать их мнение по этому поводу.

— Эй, чаво делаете, народ? — прозвучал знакомый, радостный голос Ибая Блэкбёрна, и Эмили

тут же повернулась на него, телепортировавшегося прямо за стол, судя по исчезающим коричневым теням. — Стратегическое собрание? Дружеская беседа? Книжный клуб? — Его глаза на мгновение расширились, улыбка растянулась до ушей: — Неужели играете в гляделки?!

— Обсуждаем философский вопрос, — ответил Говис.

— Ооо! Можно мне тоже?

— Нет.

Эмили заметила ещё и Чергоа рядом. Чему не была сильно удивлена. В последнее время Чергоа и Ибай стали хорошими друзьями, жнец проводила с ним почти столько же времени, сколько и с Эмили.

— Ой, да ладно, ну зачем ты так? — застонал Ибай. — Признаюсь, я о философии не так много знаю, но с радостью узнаю больше!

— Тогда сходи и найди книгу, — сказал Говис.

Эмили знала, что это было сказано не ей, но идея определённо была хороша. В Библиотеке должны быть тонны философских книг, она могла добавить несколько в свой список чтения.

Ибай открыл рот, чтобы сказать что-то, но рокот где-то вдали прервал его.

Эмили узнала этот звук. Сурово посмотрев Ибаю в глаза, она спросила: — Ты опять взял слишком много книг?

— Нет, — сказал Блэкбёрн с телом взрослого и разумом ребёнка. — Я хорошо себя вёл, клянусь!

— Гмм, — прогудела Эмили.

— Это правда, — заступился за него Говис. — Просто Библиотеке он не нравится.

Ещё один грохот словно бы подтверждал его слова.

— О нет, — сказал Ибай. — Правда не нравлюсь?

И ещё один грохот.

Ибай просто нахмурился.

Эмили было его жаль. С тех самых пор как она сообщила ему о смерти Измаила Блэкбёрна, его отца, у неё появилось ещё больше сомнений в психическом состоянии Ибая.

Отклонение принял новость... довольно неплохо, полагала Эмили, но следующие несколько дней оставался молчалив и появлялся не так часто.

Его нынешнее поведение не отличалось от нормального, но это, в своём роде, тоже пугало. Потому как он отклонение, она не знала, может ли он чувствовать горе таким же образом, как обычные люди – или ещё более ужасный вопрос: может ли он чувствовать горе?

Наверное, поэтому Чергоа проводит с ним столько времени в последние дни. Эмили спрашивала её о нём, но жнец не рассказывала ничего необычного.

— «Я бы не стала беспокоиться о том, что чувствует это здание, будь я на твоём месте», — сказала Чергоа.

— Но это не просто какое-то здание, — сказал Ибай. — Это мой новый лучший друг! Нельзя, чтобы мой лучший друг меня ненавидел! Иначе что это за лучший друг?!

— «Ибай», — сказала Чергоа неодобрительным материнским тоном. — «Нельзя быть лучшими друзьями со зданием. Особенно если оно хочет тебя убить.»

Ибай её тона не заметил: — Почему?

— «Потому что – но – это просто тупо.»

— Почему?

— «Ты...» — Чергоа замолчала. — «А знаешь что? Ты прав. Можешь дружить хоть с камнем, с чего это должно меня волновать?»

Эмили взглянула на жнеца и прищурилась: — «Ты завидуешь зданию?»

— «Нет», — ответила жнец приватно. — «Заткнись.»

Ибай пытливо посмотрел на Говиса: — Как мне понравиться Библиотеке?

Прошла секунда, затем Монстр пожал своими огромными плечами.

— Ну блин.

Удивившись собственной мысли, Эмили предложила: — Эм, может тебе стоит попробовать самому написать книгу и отдать её Библиотеке в подарок?

Ибай словно бы окаменел. А затем его лицо загорелось: — Гениально! Уух! О чём мне написать книгу?! Нет, стой, не говори! Будет лучше, если я сам придумаю, да?! Мм! Как интересно! — Ибай развернулся и пошёл в том же направлении, с которого пришёл. — Книга, книга! Художественная или научная? С картинками или без? Гмм!

— «Ну началось», — сказала Чергоа.

— Интересно, насколько это его займёт? — подумала вслух Эмили.

— «Чёрт его знает», — сказала Чергоа. — «От десяти минут до десяти месяцев, в зависимости от того, насколько ему будет интересно.»

— Мм, — прогудел Говис. — Мне любопытнее, какое творение создаст его мозг. Я не без оснований уверен, что в мире ещё не существует ни одной книги написанной отклонением.

Следующие слова Чергоа прозвучали с эхом приватности: — «Ты в порядке, Эми?»

Вопрос застал её врасплох, но через секунду она поняла, что имеет в виду жнец. До сих пор моменты, когда Эмили была наедине с Говисом можно было пересчитать по пальцам. — «Да, всё хорошо.»

Говис до сих пор смотрел в направлении, в котором исчез Ибай: — Он всё больше напоминает мне кое-кого.

— «Правда?», — спросила Чергоа. — «Кого?»

Говис не ответил. Вместо этого он сам задал вопрос: — Как среди Рейнлордов появилось отклонение?

Эмили не представляла, как на это ответить, поэтому посмотрела на жнеца.

— «Мы не уверены», — ответила Чергоа.

— Мм.

Наступила неуютная тишина, прежде чем Говис поддержал разговор снова:

— Вы хотя бы знаете, как отклонения создают?

— «Нет», — ответила Чергоа за них обеих.

И снова Говис замолчал.

— «Ну? Ты не собираешься немножко разбавить наше невежество?»

— Нет.

Эмили заметила, как лицо жнеца слегка исказилось.

Говис поднялся: — Не буду больше мешать твоему обучению. Не забудь помедитировать перед сном. — И, не дожидаясь ответа, он ушёл, бесшумно словно тень.

— «Этот парень может быть той ещё сволочью, когда хочет», — сказала Чергоа приватно.

Эмили не могла возразить, но и ненавидеть его она тоже не могла, учитывая всё, что он для неё сделал. Даже если она здесь против своей воли, довольно крупная часть неё считала, что ей лучше оставаться под попечительством Говиса – пока, по крайней мере.

Она была в ужасе перед своей мутацией, прежде чем попасть сюда. Но теперь? Теперь она хотя бы держит свою способность в узде, а это полностью благодаря ему. Он лично давал ей уроки того, как осторожно и постепенно использовать свою силу.

Ключ, как она узнала, в том, чтобы пассивно «выстраивать» природу мутации. Если она слишком долго не будет её активировать, то способность активируется сама и принесёт неконтролируемые изменения в её тело. В прошлом она думала, что единственный способ справиться с проблемой, это ослаблять «напряжение» при помощи маленьких, безвредных изменений в своём теле, лишь бы мутация не активировалась сама, но Говис научил более удачной, хотя и более сложной, стратегии.

— Кое-что ты должна понять прямо сейчас, — сказал ей Говис. — Медитация важна для нас больше, чем для любых других слуг жнецов. Из существующих на данный момент. Особенно в начале пути. Я считаю, что именно за этим стоит основная причина того, почему мы так страдали на протяжении истории. И мы, и наши жнецы, сильно недооценивали то, как много медитации требуется, чтобы стабилизировать нашу способность.

И действительно, с тех пор медитация стала занимать основную часть всего её времени. Когда она не читала, не ела, или не спала, то, скорее всего, медитировала – а она не часто ела или спала.

Только недавно дошло до того, что Говис наконец-то позволил ей немного уменьшить время на медитацию, и благодаря чему у неё теперь появилось время на изучение Библиотеки и разговоры со сторонниками Монстра. Но дело не в количестве часов, которые она уделяла медитации. Ей нужно было изменить сам подход к медитации.

— Насколько тебе знаком концепт изменённого состояния сознания? — спросил её Говис.

— Эм, не очень?

— Тогда время научиться.

Монстр перешёл к рассказу на тему того, что главная цель медитации для слуги-мутанта – это войти в изменённое состояние сознания, в котором контроль над собственным телом становится более полным.

Предположительно было несколько состояний, которые она постепенно изучит, но Говис настаивал на том, чтобы первым и, очевидно самым важным, она узнала состояние «хранения».

— ...или Хра, если кратко, — объяснял он. — Полезно дать им названия, чтобы потом проще было переключаться. Так в них проще вернуться, что ускоряет процесс медитации.

Цель Хра, как она узнала позже, заключалась в создании пространства в её разуме, в котором она может «хранить» все проблемные порывы своей способности. Если мутацию можно описать как протекающую крышу, то Хра выступает ведром для ловли падающих капель.

Хра не могло избавить от напряжения полностью, потому как метафорическое ведёрко всё же может «переполниться», если не проверять его регулярно, но это определённо незаменимая помощь в откладывании неизбежной мутации. А следуя услышанному, откладывать можно очень долго, если должным образом отточить Хра.

Понятное дело, изучение Хра мгновенно стало для неё приоритетом.

Из слов Говиса она ожидала, что это будет чертовски сложным, но с облегчением узнала, насколько ошибалась. Всего за пару часов она начала «конструировать» его. Она смогла визуализировать пространство в форме карманного измерения, в которое её собственный разум выходил просто окном. Она не знала, было ли так на самом деле, впрочем, но казалось реалистичным, раз ей просто нужно существующее в её разуме место под Хра. Но, каким-то образом, Хра казалось ей другим пространством, отличным от неё, от чего процесс проходил проще.

Ей было интересно, не связано ли это с Расаласэдом, так называемым Сухим Богом.

Возможно, небольшой опыт существования, проведённый в его мысленном пространстве, теперь помогал ей представить собственное.

В чём бы ни была причина, она не жаловалась. Конечно, построение Хра было довольно медленным и утомительным процессом, потому как она хотела всю «вместимость», какую только можно было заполучить, но это определённо не казалось сложным. По факту, это было настолько просто, что она даже смогла полностью перестроить его во время той же медитации.

Она практически могла делать это даже за чтением.

Последнее она начала пытаться сделать только два дня назад, но чувствовала, что это возможно. Может быть, если она не будет такой уставшей.

Ей правда нужно было отдохнуть. Хех, может, стоило попытаться медитировать во сне? Освободилось бы столько времени.

— «Выглядишь хреново», — сказала Чергоа. — «До сих пор проблемы со сном?»

— Да...

— «Значит чай из трав, который я посоветовала, не сработал?»

Она тихо засмеялась: — Боюсь, что нет.

— «Тц. Так и знала, что этот рецепт полная хрень. Прости, Эми.»

— Не стоит, это не твоя вина.

— «Хотя бы кошмары прошли?»

— Не сказала бы. Не могу точно вспомнить. Начинается всё нормально, очень приятно, но всегда заканчивается этим странным... морской звездой-монстром. Который визжит на меня. — Она слегка съёжилась, просто вспомнив жуткое существо.

— «Ну, это дерьмово. Если станет хуже- Твою мать!»

Эмили развернулась в направлении взгляда жнеца и тоже дёрнулась, заметив нависающую фигуру Говиса.

— О чём вы только что говорили? — сказал Монстр двумя голосами.

Разве он не ушёл в...? Стоп, куда он уходил? И почему вернулся?

— «Может ты наконец-то перестанешь пугать нас до чёртиков каждым своим появлением?» — сказала Чергоа. — «Ты же только что ушёл. Зачем вернулся так скоро?»

— Случайно подслушал обрывок разговора, — сказал Говис. — Или, как мне показалось, подслушал, но что-то меня заинтересовало. Не могли бы повторить?

— Эм... — Эмили потребовалась секунда, чтобы найти подходящие слова. — Мне... снятся кошмары?

— Мм. О чём?

— Э... эм... о какой-то морской звезде?

— И они мешают тебе высыпаться?

— Д-да...

— Понятно. — Он развернулся и начал уходить снова.

Эмили поднялась: — И куда Вы уходите теперь?

— Возвращайся в свою комнату и спи. Но не забудь сперва помедитировать.

Её уже начинали бесить все эти вопросы оставшиеся без ответа. — Нет. Куда бы Вы ни шли, я пойду с Вами. — И она побежала за ним.

Он не прекратил идти, но повернулся на неё: — Хмф, уверена, что хочешь? Потом можешь пожалеть об этом.

Она поравнялась с ним, как и Чергоа. — Почему? Куда мы идём?

— Хочешь увидеть свой кошмар, но наяву?

В этот момент она немного опешила: — Э... не сказала бы.

— Тогда делай как я сказал.

Она сильно нахмурилась: — Что ж, этого я хочу не делать ещё больше.

— Это предложение построено неправильно, — сказал Говис.

— Ох, да всё равно, просто скажите мне куда мы идём.

— Увидеть Ткачиху.

Эмили как раз собиралась спросить у него, кто это такая, но Говис неожиданно остановился перед пустой стеной.

Он прижал к ней свою гигантскую руку и только после этого она увидела там большую квадратную кнопку, незаметную ранее из-за того, насколько хорошо она входила в паз. Прозвучал глухой щелчок, затем словно бы по стене провели каменным брусом, и рядом с ними появился тайный проход.

Говис вошёл первым, хотя из-за роста ему пришлось пригнуться.

Эмили обменялась неуверенным взглядом с Чергоа, после чего последовала внутрь.

Путь разделялся несколько раз и вскоре Эмили была уверена, что потерялась бы в этих затхлых тоннелях на многие годы, если бы Говис не вёл их за собой.

Спустя какое-то время они подошли к каменной двери, которая вела в другую часть Библиотеки, которую она ещё ни разу не видела.

Это была пещерная комната со сводчатым потолком и почти без света. Ряды свечей были расставлены на нескольких длинных столах, а в воздухе ощущался запах ванили. Атмосфера была странной, но по-своему приятной, однако тревога Эмили не давала ей почувствовать ничего кроме страха.

— «Что за х\*\*ню я сейчас чувствую?» — приватно сказала Чергоа.

Жнец не часто материлась рядом с ней, поэтому Эмили сразу поняла, что она правда удивлена сейчас, и это знание точно не помогло ослабить её собственное волнение.

Но это не остановило её, и сейчас уже было ясно, что Говис идёт к дальнему концу комнаты, почти скрытому темнотой. Когда они приблизились, Эмили начала замечать там какую-то форму.

Явно не гуманоидную.

Силуэт просто был там, в темноте, округлый и пульсирующий, размером с носорога. Эмили немного напряглась, примерно в тот же момент, как начала слышать тихое дыхание. А ещё пол вокруг этой штуки был сырым.

— Ткачиха, — сказал Говис строгим голосом, когда они наконец-то подошли.

— «Приветствую, хозяин», — прозвучал в голове Эмили незнакомый голос. — «И тебя тоже, Элрой.»

— Зачем ты вторгаешься в её сны? — спросил Монстр.

— «Хотела поговорить с ней. Но, похоже, мне удалось только напугать её. Я должна принести извинения.»

С широко раскрытыми глазами и ужасом в них, Эмили не удержалась и задала довольно грубый вопрос: — Что Вы такое?

— «А, да. Пережиток прошлого, наверное. Давно переживший свою полезность.»

В этот момент решила включиться Чергоа: — «Ты когда-то была человеком?»

— «Говоришь так, будто я уже перестала им быть», — сказала Ткачиха.

— «Не хочу оскорблять, но я не уверена, что ты человек», — сказала Чергоа. — «Я никогда не встречала человека, слугу, или кого бы то ни было ещё, способного разговаривать с другими людьми при помощи телепатии.»

— «А. Так себя ты человеком тоже не считаешь?»

— «Не сказала бы. Поэтому и говорю, что не хочу оскорблять.»

— «А. Понятно.»

Говис решил вмешаться: — Почему ты хотела поговорить с ней? И, что важнее, почему ты решила наведаться в её сон, вместо того, чтобы просто попросить меня привести её к тебе?

— «И Вы бы позволили мне такую привилегию?» — спросила Ткачиха.

Говис сложил руки: — Сейчас она здесь, разве нет?

— «Под Вашим наблюдением, да.»

Момент Говис молчал: — ...А почему моё наблюдение мешает? — Его тон становился более раздражённым.

— «Потому что, хозяин, своим характером Вы имеете привычку делать разговоры труднее.»

— Мм, ага. Или, например, потому что ты просто хотела поиграть с её разумом.

— «А.»

Эмили этот разговор нравился меньше с каждой секундой.

— «В её разуме правда есть любопытные структуры», — сказала Ткачиха, — «но Вы правда считаете её разум таким податливым, что она может стать моей игрушкой?»

— Она ребёнок, — сказал Говис.

— «Верно. Но упёртость не знает возраста.»

Эмили не сильно волновало, что о ней говорят так, словно её тут и нет. А сейчас Говис ещё и посмотрел на неё так, словно искал какое-то материальное подтверждение словам Ткачихи.

Ей почувствовалось, что нужно что-то сказать, прежде чем затишье в разговоре совсем исчезнет: — Почему Вы живёте здесь, так ещё и в одиночестве?

— «Я чувствительна к свету», — сказала Ткачиха. — «И, следует сказать, что на меня не очень приятно смотреть. Так всем лучше. Я не хочу, чтобы меня видели.»

Эмили могла в это поверить. Если Ткачиха хоть немного похожа на морскую звезду-монстра из её снов, то её слова имеют смысл. Впрочем, кое-что всё же смысла не имело: — Но почему Вы кричали в моих снах?

— «Кричала? Я не кричала.»

— Эм, нет, ещё как кричали. И это было ужасно.

— «А. Это очень странно. Я просто пыталась поговорить с тобой, как говорю сейчас. Видимо твой разум даже любопытнее, чем я думала.»

— «Это её разум любопытный?» — переспросила Чергоа. — «Что насчёт твоего?»

— «А. Комплимент? Я такого не слышала долгие годы.»

— «Я не это имело в виду, но да, конечно.»

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — сказал Говис. — О чём ты хотела поговорить со мной.

Ткачиха телепатически вздохнула: — «Если так уж надо знать, то я хотела спросить, помнит ли она меня.»

Эмили моргнула пару раз, поражённо взглянув сперва на Говиса, а потом и на Чергоа. — Я никогда Вас не встречала. И я бы точно запомнила, если бы встречала.

— «Учитывая то, какая я теперь, неудивительно, что ты меня не узнаёшь», — сказала Ткачиха.

— «Как и учитывая то, какая теперь ты.»

По какой-то причине Эмили почувствовала дрожь от этих слов. — В каком смысле?

— Прекрати пудрить ей мозги, — сказал Говис. — Ты путаешь её с Агамом.

— «Нет, не путаю», — сказала Ткачиха. — «Агам, как Вы можете помнить, временами вспоминал людей, которых никогда раньше не встречал. И места, которые никогда раньше не мог видеть. Вспоминал знания, которые по множеству логичных причин ему принадлежать не могли.»

— Как я и сказал, она не Агам, — повторил Говис.

— «Хмф. Не притворяйтесь дураком, хозяин. Её разум не такой, как у Агама, да, но неужели она не напоминает его? Эти любопытные структуры её ума? Сходство не идеально, но всё равно вызывает подозрения, разве не так? Уверена, поэтому Вы привели её сюда, разве я не права?»

Говис не ответил.

Эмили становилось всё более некомфортно, но она не знала что сказать, не знала, какой вопрос задать.

У Чергоа, с другой стороны, слова нашлись, и она не побоялась ими воспользоваться: — «Вы тут про реинкарнацию говорите? Как бы, про настоящую, без участия жнецов? Если так, то мне кажется, что вы пытаетесь навешать мне дерьма на уши, вот прямо в эту секунду. Мне

кажется, должно быть полно других объяснений тому, почему у кого-то могут оказаться воспоминания, которые они не считают своими.»

— «А», — в голосе Ткачихи впервые прозвучали нотки смеха. — «Я бы не назвала это реинкарнацией, нет. Скорее я подозреваю работу высшей формы наследования.»

— «Высшая форма?» — переспросила Чергоа. — «Ты говоришь об этом как о какой-то магии.»

— «Я не могу изменить твои взгляды под свою перспективу», — сказала Ткачиха.

— «Хмф.»

— «В отношении наследования, рейнлорды Саира и так имеют недурную родословную, не согласишься? Древний Водяной Дракон снова родился в их рядах, разве не так? Неужели трудно поверить, что кровь королей может хранить в себе ещё больше секретов?»

Кровь королей? Можно было и так сказать, но Эмили не могла согласиться с подобным выражением. — Вы, похоже, многое обо мне знаете, — сказала она, — здесь я спорить не буду. Но о рейнлордах Вам известно не так много, правильно понимаю?

— «Почему ты так считаешь?» — спросила Ткачиха.

— Потому что рейнлорды не потерпят королей. Никогда. — И Эмили почувствовала неожиданное тепло в груди, когда эти мысли у неё появились, и которое стало ещё ярче, когда она их назвала.

За всю свою жизнь она ни разу не посчитала рейнлордов в чём-то особенными. Несмотря на все истории и лекции, несмотря на жнецов и силы, она всегда считала это глупой бравадой. Мужским позёрством.

Но вот сейчас, неожиданно, она поняла, что означает её кровь.

Она Рейнлорд. И гордится этим.

— «Называй как хочешь», — сказала Ткачиха. — «Но божественное назначение Водяного Дракона - королевская черта. Однако это не имеет отношения к делу. Важно лишь твоё наследие Агама. Возможно, нам стоит заново оценить потенциал такого дара.»

Эмили всё ещё слушала, но почему-то начала чувствовать тоску по дому. Что-то в этом странном разговоре вызывало у неё желание снова увидиться с семьёй. А потом и задуматься: увидит ли она их снова?

— «Я настаиваю на том, чтобы ты изучила собственные воспоминания, как только найдёшь время», — сказала Ткачиха. — «Однажды, ты можешь обнаружить там больше, чем ожидала.»

— «И что она может узнать о тебе?» — спросила Чергоа.

— «Хотела бы я знать.»

Следующие слова Чергоа были приватными: — «Она снова что-то скрывает.»

Едва ли Эмили была удивлена.

Говис развёл руками, но его тон остался мрачным: — В чём бы ни было дело, ты прекратишь вторгаться в её сны. И вообще не будешь лезть к ней без моего разрешения.

— «Как пожелаете, хозяин.»

<http://tl.rulate.ru/book/1701/672634>